

Глава 3

За столом воцарилась тишина, и Чу И, продолжая есть, погрузился в воспоминания, прерванные Оуян Юйюанем.

Этому телу исполнилось двадцать лет. Удостоверения личности у него не было не потому, что он его не получал, а потому, что его, вместе со всей домово́й книгой, удерживали дядя и тётя. Они заявили, что отдадут документы только тогда, когда он вернёт им сто пятьдесят тысяч юаней за своё воспитание.

Судьба этого его перерождения, хоть и не была столь трагичной, как прошлая, но связь с родителями всё равно оказалась недолгой.

Когда ему было шесть лет, его отец, строя их собственный дом, сорвался с крыши и, ударившись головой о грудку кирпичей, сложенных за домом, погиб на месте.

Дом, конечно же, так и не достроили.

Но даже этот недостроенный дом его дедушка и бабушка решили не отдавать «чужим» и, мешкая, вместе с семьёй дяди вселились в него.

Дядя даже вложил деньги в достройку дома. Хотя «вложил» — громко сказано. Отец Чу И ещё до своей смерти закупил все материалы, дяде оставалось лишь нанять рабочих и заплатить им за труд.

Дядя просто воспользовался тем, что мать Чу И была женщиной. Друзья отца, боясь пересудов, не решались вмешиваться в дела чужой семьи.

Так что, когда мать Чу И, вся в слезах, закончила с похоронами и оправилась от горя потери мужа, оказалось, что не только все их деньги находятся под контролем свекрови, но и дом теперь, по сути, принадлежит дяде, который «вложил в него свои силы и средства», и разобраться в этом стало невозможно.

Нетрудно представить, какая жизнь ждала Чу И и его мать в такой обстановке. Сначала мать терпела ради сына, но тётя и бабушка делали всё возможное, чтобы выжить её из дома и заставить снова выйти замуж.

Они считали, что только после её ухода смогут спокойно жить в этом доме.

Так что матери приходилось не только обслуживать всю семью и работать в поле, но и терпеть моральные издевательства.

Тётя и бабушка постоянно придирались к ней по мелочам, а если она начинала возмущаться, на следующий день вся деревня знала, что виновата во всём она. Стоило ей заговорить с кем-то из мужчин, как тут же по деревне ползли слухи, что она «путается с тем-то и тем-то», что «муж умер, а ей уже невтерпёж».

Мать Чу И терпела три года, но когда ему исполнилось девять, поддавшись уговорам односельчанок, она сбежала из дома и уехала на заработки на юг.

После её ухода все страдания легли на плечи Чу И. Он стал маленьким рабом в семье, его могла обидеть даже дочь дяди, которая была на год младше.

К счастью, дядя заботился о своей репутации и позволял ему ходить в школу, где он мог хоть немного вздохнуть спокойно, иначе бы его совсем заездили.

Странно, но дядя позволил ему закончить старшую школу, как раз к его совершеннолетию.

В это время двоюродный брат Чу И, Чу Дачжи, завёл в университете девушку, и дядя с тётей, поразмыслив, решили, что держать его в доме стало неудобно. Они выгнали его, велев зарабатывать деньги и возвращать «долг» за воспитание!

Эту семейку Чу И даже не знал, как описать. Сказать, что они глупы — так ведь нет, они учитывали и мнение односельчан, и рамки закона. Сказать, что умны — но как можно было выгнать человека зарабатывать деньги, не дав ему удостоверения личности...

Чу И твёрдо решил, что должен съездить домой. У этого тела не было даже телефона, и во всём приходилось зависеть от других. Такую жизнь он терпеть не мог.

Чу И доел свою порцию, купил в придорожном магазинчике бутылку воды и присел отдохнуть на пустую клумбу. В этом районе жило много людей, и как раз был час ужина. Каждый раз, видя человека в историческом костюме с телефоном в руке, он испытывал странное чувство смещения времён.

Немного восстановив силы, он зашёл в закусочную и взял с собой порцию жареной лапши с говядиной, после чего направился домой.

Проходя мимо двери Шэнь Цзுவэя, он услышал, как тот играет в онлайн-игру. С облегчением вздохнув, он воспользовался моментом, пока ванная была свободна, и быстро принял душ.

Когда он вышел, Шэнь Цзувэй уже был в его комнате и, судя по всему, рылся в его вещах. К счастью, у Чу И был богатый опыт бродяжничества, и он всегда носил деньги и ценные вещи с собой. Не найдя ничего интересного, Шэнь Цзувэй открыл его коробку с лапшой.

— Не трогай, это моё. Хочешь есть — сходи купи или закажи доставку, — Чу И бросил грязную

одежду на кровать и схватил Шэнь Цзுவэя за запястье.

Те сто юаней он отдал добровольно, но врываться в его комнату, рыться в вещах и воровать еду — в древние времена за такое могли забить до смерти как вора.

— Больно, больно, больно! — Шэнь Цзувэй побледнел и инстинктивно съёжился. Возможно, образ покладистого Чу И так глубоко засел в его сознании, что он, крича от боли, всё ещё пытался угрожать: — От-отпусти, отпусти, Чу И, я тебя, бл*ть, предупреждаю, отпусти меня сейчас же! Что, из-за какой-то лапши? Разбогател и зажал? Если не отпустишь, больше не получишь мой пропуск!

— Ты себя чьим отцом возомнил? — голос Чу И был холоден, и он сжал запястье Шэнь Цзувэя ещё сильнее. Тот взвыл от боли, покрывшись холодным потом.

— Я... я твой отец, нет, ты мой отец, ладно? — наконец, Шэнь Цзувэй не выдержал и сдался.

Чу И отпустил его, но тот тут же замахнулся кулаком:

— Ублюдок!

Чу И был готов к этому. Он ловко увернулся и, выставив ногу, точным ударом вышвырнул его за дверь. Его тело, хоть и было худым, но с детства привыкло к труду, в отличие от Шэнь Цзувэя, который просиживал штаны за компьютером.

Раньше он избегал конфликтов, потому что был голоден. Теперь, сытый и полный сил, он не собирался терпеть унижения.

Шэнь Цзувэй, скорчившись от боли и держась за живот, не забывал угрожать:

— Хорошо, хорошо, какой смелый, значит! Мосты сжигаешь! Только потом не приползай ко мне на коленях!

Но он был всего лишь трусом, который мог только казаться сильным. В глубине души он уже испугался. Выкрикнув угрозы, он поднялся с пола и, быстро прошмыгнув в свою комнату, захлопнул дверь.

Чу И несколько не волновался. Шэнь Цзувэй был типичным представителем тех, кто любит лёгкую жизнь, презирает труд, заискивает перед сильными и унижает слабых. Раньше он издевался над Чу И, потому что тот был безответным и зависел от него.

Раньше Чу И не только стирал ему одежду и покупал еду, но и по ночам бегал за сигаретами и закусками. И хотя они договаривались делить заработок пополам, Шэнь Цзувэй постоянно

обманывал его.

Честно говоря, было бы проще дать денег бригадиру, чем иметь дело с ним.

Чу И не обратил внимания на Шэнь Цзுவэя. Он как раз снова проголодался после душа, поэтому сел и доел жареную лапшу с говядиной, а затем пошёл стирать одежду в общей стиральной машине.

Развесив бельё, Чу И поднялся на крышу подышать свежим воздухом и заодно понаблюдать за звёздами. В это время в одной из элитных квартир Пекина Оуян Юйюань получил звонок от своего друга детства Му Цзяцзюня:

— Что, пойти с тобой выпить? Сейчас?

Почему-то его голос звучал немного неуверенно.

— Что значит «сейчас»? Ещё и десяти нет! Раньше мы всю ночь напролёт тусовались, а на рассвете гоняли на машинах! Ты идёшь или нет?

— Ты сам сказал — «раньше». Ты забыл, на кого я сейчас работаю? Если завтра кузен Сянь учует от меня запах алкоголя, он опять урежет мне карманные деньги...

Ему и так нелегко было скопить немного денег.

— В конце концов, ты просто боишься, что тебе урежут деньги, да? Ладно, ладно, сколько там, я заплачу. Возьми завтра отгул, так пойдёт? — очевидно, Му Цзяцзюнь хорошо знал скупую натуру Оуян Юйюаня и сразу предложил «плату за выход».

— Нет, лучше не надо. Я работаю в компании всего три месяца, нехорошо так быстро брать отгул.

— Ну ты и размазня! — Му Цзяцзюнь был разочарован. — Ты ведь, можно сказать, наполовину член семьи Юй. Ладно, работаешь ассистентом у своего кузена, но ты что, ещё и в передовики производства метишь? У меня тут серьёзные проблемы, братан. Если ты мне друг, пойдём выпьем!

Оуян Юйюань колебался, но в итоге решительно отказался:

— Правда не могу. Мне завтра на работу. Позвони кому-нибудь другому!

Сказав это, он, не дожидаясь ответа, быстро повесил трубку.

Он не то чтобы поверил тому странному актёру массовки, просто боялся, что кузен Сянь доберётся до его заначки!

Повесив трубку, Оуян Юйюань получил несколько сообщений с насмешками вроде «Ну ты и трус, больше не называй меня своим другом», «Размазня», «Так и будешь хвостиком за своим кузеном бегать».

Оуян Юйюань, который до этого чувствовал себя немного виноватым, прочитав сообщения, перестал обращать на них внимание. Хм, как будто у него одного есть характер!

Среди ночи Оуян Юйюань, сладко спавший, был разбужен телефонным звонком. Он сонно ответил, и на том конце провода раздался голос:

— Юаньцзы, с Юнькаем беда!

— Что? — Оуян Юйюань мгновенно проснулся. — Что случилось?

Му Цзяцзюнь, казалось, с трудом подбирал слова:

— В общем... Юнька... ему разбили голову бутылкой... Я сейчас в первой городской больнице, приезжай скорее.

У него в голове был полный кавардак, он даже не знал, как сообщить об этом семье Ли.

Тут Оуян Юйюань окончательно проснулся: разбитая голова, кровотечение — всё сбылось!

Ли Юнькай тоже был их другом детства. Если бы он сегодня не отказал Му Цзяцзюню, то, возможно, сейчас с пробитой головой лежал бы он сам?

Значит, Юнькай пострадал вместо него...

Осознав это, Оуян Юйюань быстро ответил:

— Сейчас буду!

<http://bllate.org/book/13426/1195321>